

Глава 2

За троны и алтари!

Вперед же, рыцари, и разите с неустрашимой душою врагов Христа, с уверенностью, что ничто не может лишить вас милости Божией.

Св. Бернар Клервосский

15 ноября 1796 г. неподалеку от Вероны, вокруг итальянской деревушки Арколе кипел отчаянный бой. Измотанная в бесконечных сражениях, маленькая армия Бонапарта сошлась в смертельной схватке с новой австрийской армией под командованием генерала Альвинци. Эту армию австрийское командование смогло снять с германского театра военных действий, где Моро и Журдан терпели неудачи. Теперь 50 тыс. австрийцев вступило на равнину Ломбардии, чтобы разгромить Бонапарта, освободить запертую в крепости Мантуе другую австрийскую армию генерала Вурмзера и совместным усилием выкинуть французов из Италии.

Накануне 12 ноября Бонапарт с горстью своих войск не смог сбить многочисленные войска противника с позиций у Кальдиеро. Ему пришлось отступить. Многим казалось, что война для французов проиграна. Однако молодой генерал так не считал. Он заставил своих солдат сделать новое усилие. 15 ноября 1796 г., засветло французы выступили из Вероны в западном, противоположном от неприятеля направлении. Всем казалось, что это начало отступления, что в скором времени армия бесславно вернется домой. Но внезапно направление движения изменилось. По приказу главнокомандующего колонны войск повернули налево в юго-восточном направлении и, обойдя австрийцев с фланга, форсировали реку Адидже и двинулись вперед на врага.

Теперь даже простые солдаты поняли — главнокомандующий решил дать бой неприятелю на таком поле, где исход боя решит не численность, а отвага. Дело в том, что местность к югу от позиций, занимаемых главными силами Альвинци, представляла собой сплошные болота, пересеченные лишь узкими

дамбами-дорогами. Двигаться можно было только по дамбам шириной всего лишь несколько метров. Теперь дело должно было решить мужество бойцов, стоящих в голове колонны. Вскоре завязался отчаянный бой. Французы продвигались вперед, последовательно громя отдельные батальоны, которые Альвинци, еще толком не разобравшись, в чем дело, послал для прикрытия своего южного фланга.

Казалось, бой начинается для армии Бонапарта как нельзя лучше. Но вот перед правофланговой колонной возникло препятствие — на подходе к деревне Арколе дорога пересекала неширокую, зато текущую в крутых берегах речушку Альпоне. Чтобы войти в Арколе, а это было абсолютно необходимо для дальнейшего развития маневра, надо было перейти Альпоне по единственному мосту. Но позади него уже успели занять позицию два батальона хорватов на австрийской службе, отличных стрелков и храбрых солдат. Их командир, полковник Бригидо, навел также на маленький мост две пушки, бывшие в его распоряжении.

5-я легкая полубригада, которая шла в голове французских колонн, храбро двинулась на мост, но шквальный ружейный огонь и картечь из двух австрийских пушек буквально скосили идущих впереди солдат. Бригадный генерал Бон, который вел их на штурм, был ранен. Атака захлебнулась.

Тогда вслед за авангардом на мост бесстрашно двинулись основные силы. Один из самых лучших генералов Итальянской армии Бонапарта, ближайший друг главнокомандующего и человек кипучей отваги Жан Ланн устремился во главе 51-й линейной полубригады к мосту. Но огонь австрийцев был столь плотный, что, несмотря на весь порыв молодого генерала и его солдат, французы были отброшены. Дамбу покрыли сотни окровавленных тел. Сам Ланн был два раза ранен. Его солдаты кто попрятался за дамбу (она шла на подходе к мосту параллельно речке Альпоне), кто спасся бегством.

Вслед за отрядом Ланна вперед устремилась 40-я линейная во главе с генералом Верном. Но и эта атака закончилась кровавой неудачей. Голова колонны была истреблена, а сам генерал Верн смертельно ранен.

Стало ясно, что овладеть мостом можно только очень мощным ударом, тем более что к австрийцам на той стороне Альпоне подходили новые и новые силы. Вся деревня Арколе наполнилась стрелками, которые готовы были открыть огонь по мосту из-за изгородей, из окон, с крыш домов. Другие встали так, чтобы бить по мосту с флангов. Кроме того, австрийцы подтащили еще несколько пушек.

Теперь во главе французских колонн встал лично командир дивизии, генерал Ожеро. Он схватил знамя и с возгласом: «Трусые вы, что так боитесь смерти!» — бросился вперед, увлекая за собой лучших гренадер. Но из-за Альпоне обрушился на них просто ураган пуль и картечи. Сотни людей были убиты и ранены. Атака опять захлебнулась...

Теперь стало ясно, что вокруг этого ничтожного моста без перил, длиной 25, шириной 4 метра, решается исход боя, а значит, и судьба итальянского похода, а значит, и всей великой европейской войны.

И вот около 15 часов по рядам французских войск как молния пронеслась весть — сам главнокомандующий поведет солдат в атаку на этот проклятый мост. Когда солдаты и офицеры узнали об этом, все кто мог встали снова в ряды.

Генерал Ланн, которого, обливающегося кровью, везли на носилках, потребовал, чтобы его посадили на коня — пешком он идти не мог, — и снова оказался в первых рядах колонны. Главнокомандующий подъехал со своим штабом к передовым батальонам. Спрыгнув с коня и схватив знамя 51-й линейной полубригады, Бонапарт воскликнул, обращаясь к солдатам: «Вы разве уже более не победители под Лоди? Что стало с вашей неустрашимостью?» С этими словами главнокомандующий двинулся по дамбе, заваленной трупами. Рядом с ним шли все его преданные офицеры и генералы Ланн, Вердье, Мюиرون, Виньоль, Бельяр, Сулковский.

На этот раз словно электрическая искра воспламенила сердца, и солдаты под ливнем свинца так же решительно пошли за своим полководцем. Но когда колонна была уже близко от моста, залп картечью угодил прямо в тех, кто шел впереди. Бонапарт должен был бы, наверное, погибнуть, но те картечные пули, которые предназначались ему, принял на себя, закрыв своего командующего и друга, молодой капитан Мюиرون. Он погиб, но спас того, кому был так предан. Однако колонна заколебалась под шквалом огня. Кто-то из офицеров схватил Бонапарта, закричав: «Генерал, вы идете на смерть, если вы будете убиты, мы все пропадем, вы не должны идти дальше, это место не для вас!!» Остановка, пусть даже минутная, шедшего впереди штаба поколебала решимость колонны. Новые залпы свалили наземь офицеров и солдат. Толпа заколебалась и бросилась назад...

Увы, генерал Бонапарт не взял штурмом Аркольский мост, его войска вынуждены будут временно отступить, затем снова начнут отчаянный бой на плотинах и вокруг них. Бой будет продолжаться весь день 15 ноября, весь следующий день 16-го, и только к вечеру 17-го, после того как австрийцы будут измотаны трехдневной борьбой, армия Бонапарта окончательно перейдет в наступление, преодолет все преграды и разгромит наконец Альвинци...

Но какое все это имеет отношение к взаимоотношениям Франции с Россией? Самое прямое. В эти дни, 15–17 ноября, в болотах вокруг Арколе родилась наполеоновская легенда. Та необычайная популярность, которой пользовался отныне во Франции Бонапарт, тот ореол героизма, доблести, славы, который словно окутывал молодого полководца, — все это возникло в эти дни. Да, конечно, победы под Монтенотте, Дего, Мондови, Лоди, Ка-

стильоне заставили армию поверить в своего полководца, наделали немало шума во Франции и в Европе, но только после Арколе имя Бонапарта начали произносить с каким-то восторженным трепетом, только после Арколе он превратился для своих солдат в полубога, за которым они были готовы идти хоть на край света...

«О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! — написал о молодом герое почти точно в тот момент, когда Бонапарт сражался при Арколе, другой великий полководец, Александр Суворов. — Он побеждает и природу и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель только тогда замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил он на путь военачальника, как разрубил гордиев узел тактики. Не заботясь о численности, он везде нападает на неприятеля и разбивает его по частям. Он знает, что такое неодолимая сила натиска, и в этом все. Его противники будут упорствовать в своей вялой тактике, подчиненной кабинетным перьям, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он ведет полки, бьется и побеждает по воле своей!»²⁰

Предсказание Екатерины Великой сбылось. Этот «недюжинный, храбрый, опередивший свой век человек» пришел. И по иронии судьбы ровно в день и час, когда его слава засияла в Италии, в Петербурге скончалась императрица. Она умерла 17 ноября 1796 г.*, в тот момент, когда за тысячи километров от Петербурга молодого генерала восторженно приветствовала после победы его молодая, энергичная, готовая на любые подвиги армия.

В Европе начиналась эпоха наполеоновская, в России — эпоха Павла.

Императору Павлу I судьбой выпало осуществить несколько крутых поворотов во внешней политике России, прежде всего в отношении Франции, сначала Директории, затем Франции эпохи Консульства Наполеона Бонапарта. Поэтому вполне уместно будет сказать несколько слов об этом человеке.

Едва только императрица испустила дух, как ее преемник подчеркнуто продемонстрировал всем, что начались иные времена. Знаменитый поэт Державин так позже опишет начало павловских времен: «Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеванию города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом»²¹.

Это вполне понятно. В течение долгих лет уже более чем зрелый человек великий князь Павел Петрович был фактически отстранен от власти и даже просто от участия в управлении государством своей царственной матерью.

* 6 ноября 1796 г. по старому стилю.

До 42 лет Павел находился под ее неусыпной опекой, постоянно в страхе не только за свое положение, но и просто за свою жизнь, беспрестанно унижаемый фаворитами императрицы. Конечно, подобное положение не могло не сказываться на характере нового царя, на его желании как можно быстрее поменять все, что осталось от Екатерины.

Тем не менее любой серьезный современный историк вряд ли охарактеризует императора Павла I как ненормального безумца, единственным увлечением которого было гонять солдат по плацу, заставляя всех носить букли и ломать наследие предыдущего царствования. Монография Н. Я. Эйдельмана «Грань веков» впервые на основе большого фактического материала нанесла сокрушительный удар по мифу о сумасшествии Павла. За Эйдельманом последовали и другие историки.

Теперь не вызывает сомнения тот факт, что «безумие» Павла не более чем легенда, созданная теми, кто убил императора, для оправдания их гнусного злодеяния. Легенда, которую с удовольствием подхватили либеральные историки, а особенно советская пропаганда, стремящаяся в самом невыгодном свете выставить все русское самодержавие.

Сейчас с уверенностью можно сказать, что трагически погибший император, хотя был человеком импульсивным, вспыльчивым, но обладал массой достоинств. Он получил прекрасное образование, в совершенстве знал иностранные языки, но, прежде всего, обладал высокими душевными качествами: честностью, прямоотой, желанием править, исходя не только из макиавеллистской государственной необходимости, но руководствуясь принципами справедливости и благородства. Даже во внешней политике он стремился действовать «чистосердечно, открыто, презирая обычные дипломатические ухищрения: “Правдивость, бескорыстие и сила могут говорить громко и без изворотов” — так выразился сам император в инструкции одному из своих послов»²².

Предыдущее царствование к тому же, несмотря на блистательную внешнюю сторону, имело и слишком неприглядную изнанку, хорошо знакомую новому императору. Без сомнения, самой темной, самой ущербной стороной России того времени являлась крепостническая система, где миллионы людей были не просто зависимым крестьянством, как это наблюдалось в странах Западной Европы, а фактически были низведены до уровня рабов или скорее рабочего скота.

С этой стороны российской действительности сложно было что-либо поделать, оставаясь в рамках существующей системы. Павел издал лишь указ от 16 февраля 1797 г., запрещающий продажу с торгов дворовых и безземельных крестьян, отменил запрещение жаловаться на помещиков, указом от 18 декабря 1797 г. повелел списать все недоимки с крестьян и мещан, запретил (указом от 16 октября 1798 г.) продажу дворовых людей

и крестьян без земли, наконец, издал знаменитый закон о трехдневной барщине (5 апреля 1797 г.), ограничивавший повинности крестьян тремя днями в неделю.

Впрочем, и здесь не стоит недооценивать совершенное Павлом. Н. Эйдельман справедливо отмечал: «Современные исследователи порою только излагают поздний, более объективный взгляд на прошлое. Однако важным элементом идеологии прошлого является и его собственный взгляд на свои дела. Если же подойти с этой меркой, то заметим, что павловские законы, особенно от 5 апреля 1797 г., были первыми за много десятилетий официальными документами, по крайней мере провозглашавшими некоторые послабления крестьянству»²³.

Тем не менее куда более значимой была деятельность Павла I в отношении наведения порядка в государственном аппарате, в армии и на флоте. Пользуясь тем, что императрица Екатерина в свои преклонные годы совершенно предоставила все детали исполнения на волю правящей элиты, чудовищные злоупотребления творились во всех государственных учреждениях. Воровство в армии было такое, что «многие рекруты гибли от голода по дороге к месту службы или попадали работниками в имение командира». По словам канцлера Безбородко, таких «растасканных» разными способами солдат было в 1795 г. до 50 тыс., то есть 1/10 армии.

С другой стороны, дворяне формально записывали в гвардейские полки своих отпрысков, и те, не являясь к месту службы, получали жалование, повышения и награды. К концу правления Екатерины в полку конной гвардии был, например, 1541 фиктивный офицер, и это притом, что в этой части по штатам полагалось лишь 718 рядовых и унтер-офицеров и только 82 офицера²⁴.

Знаменитый военный историк XIX в. Д. Милютин отмечал: «...исчезло в армии всякое единообразие: один полк не походил на другой; не было даже верного счета наличному числу людей в полках; положенное довольствие не доходило до солдат; все было предоставлено неограниченному произволу частного начальника»²⁵.

«Когда она (*императрица*) достигла возраста шестидесяти лет, — рассказывает в своих записках эмигрант на русской службе граф Ланжерон*, — тогда ее здоровье ослабилось, а вместе с ним и сила ее ума, и работоспособность,

* Ланжерон Александр Федорович (*Луи Александр*) родился в 1763 г. в Париже, умер в 1831 г. в Санкт-Петербурге. Подполковник французской королевской армии. В эпоху революции эмигрировал и был принят на русскую службу. Начиная со штурма Измаила, где он отличился своей отвагой, вплоть до Русско-турецкой войны 1827–1828 гг. Ланжерон в рядах русской армии принял участие почти во всех войнах, которые вела Россия в этот период. В 1811 г. получил звание генерала от инфантерии. Оставил интереснейшие записки, частично опубликованные.

у нее появилась пресыщенность наслаждениями и, быть может, угрызения совести за прошлое и страх перед будущим. Ее окружение увидело, что от нее можно легко скрыть любые злоупотребления и что у нее не было более ни силы, ни желания пресекать ужасающие несправедливости, о которых она еще могла узнавать. Тогда исчезли все преграды, никто больше ничего не боялся, и Россия явила собой печальное зрелище бесчинств самых ужасающих, воровства самого открытого, грабежа самого возмутительного, сопровождаемого бесчисленными злоупотреблениями власти, угнетением и тиранией, которые совершались всеми, у кого была хоть какая-то должность, начиная от министра центрального правительства до самого последнего чиновника. Сенат, суды, отныне благоприятствующие только знатности и богатству, предоставляли продажное правосудие, где лишь золото и титулы определяли судебное решение. Жестокость помещиков не знала больше ни границ, ни наказаний. Из народа выколачивали налоги, в два раза превосходящие те, которые были назначены, а сборщики делили доходы между собой. Всякая жалоба, всякая апелляция были бесполезны и, более того, жестоко наказуемы»²⁶.

Император взял на себя тяжелейшую задачу попытаться искоренить злоупотребления, пресечь чудовищную коррупцию, заставить чиновников честно работать, а офицеров — служить. Вместе с наведением в армии строгой дисциплины Павел I улучшил материальное обеспечение войск, принял все меры для устранения произвола частных начальников, дал точные правила для рекрутских наборов, для замещения вакансий, для переводов, производства в чины, увольнений, отставок и т. п., но самое главное, как отмечали многие современники, положил конец «золотому веку грабителей».

Одновременно новый император произвел решительный поворот и во внешней политике России. Он публично объявил о неучастии в войне коалиции против Франции. Канцлер Остерман так излагал побудительные мотивы этого решения в ноте, обращенной к правительствам европейских стран: «Россия, будучи в непрерывной войне с 1756 г., есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастливом положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным Его подданным в... отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений»²⁷.

По приказу императора был отменен новый рекрутский набор, эскадре, находившейся в Северном море, было приказано возвратиться домой, войска, действовавшие за Кавказом против Персии, также были отправлены восвояси, наконец, все возможные приготовления к походу против Франции были аннулированы.

Летом 1797 г. в Берлин был даже послан граф Панин, чтобы начать переговоры о возможности подписания договора о мире и дружбе с французским

посланником Кальяром. Однако, несмотря на благие пожелания, эти переговоры были бесплодны. В сентябре они вообще прекратились вследствие непредвиденного инцидента. Чтобы понять, о чем идет речь, нам нужно снова обратиться к итальянским событиям.

Победа Бонапарта вынудила Австрию стать более сговорчивой в отношениях с Французской республикой. 7 апреля 1797 г. в городе Леобен между главнокомандующим итальянской армией Бонапартом и представителями штаба эрцгерцога Карла было подписано временное перемирие, которое было затем продлено до заключения мира. Наконец, в ночь с 17 на 18 октября в местечке Пассариано был подписан окончательный мирный договор, который, впрочем, вошел в историю как Кампо-Формийский мир*.

Подписание этого соглашения означало прекращение войны на континенте и, казалось, открывало перспективы к всеобщему примирению, то есть прекращению последнего франко-английского конфликта. На самом деле все было не так гладко, как могло показаться.

Кампо-Формийский мир оставлял много нерешенных вопросов и, более того, был чреват созданием новых очагов напряженности в Европе. Согласно этому документу, Габсбургская монархия отказывалась от территории Австрийских Нидерландов (до 1714 г. — Испанские Нидерланды, сейчас территория Бельгии) и своих владений на левом — западном — берегу Рейна. В Италии Австрия потеряла Миланскую область, которая вместе с несколькими другими итальянскими землями** образовывала так называемую Цизальпинскую республику — государство, построенное по образцу французской республики. Зато в качестве компенсации австрийцы приобретали большую часть территории Венецианской республики, которую Бонапарт использовал как разменную монету в политическом торге.

Один из важнейших пунктов соглашения предполагал, что Франция получит весь западный берег Рейна за счет немецких князей, которым, в свою очередь, это будет компенсировано церковными землями. Они должны были быть «секуляризованы», иначе говоря, конфискованы, у независимых епископов и аббатств на территории Германской империи. Разумеется, вопрос был крайне непростой. Он вносил страшную путаницу в и без того запутанные германские дела. Для его решения должен был быть созван съезд германских князей в Раштаде. Тем самым Габсбургская монархия, которая

* Мир действительно предполагали подписать в местечке Кампо-Формио, но австрийские уполномоченные в спешке прибыли в резиденцию Бонапарта в Пассариано, и там был подписан договор.

** Герцогство Моденское, три папских легатства (владения): Ферарское, Равеннское, Болонское, восточная часть бывших венецианских владений с городами Кремона, Бергамо и Брешия.

Итальянские государства. 1795 г.

стояла во главе рыхлого и неустойчивого объединения Священная Римская империя германской нации, сама нарушала имперскую конституцию и дестабилизировала и без того хрупкое политическое равновесие в Германии.

Наконец, отдав Австрии венецианские владения, Франция также кое-что получала из земель бывшей республики Святого Марка. Согласно Кампо-Формийскому миру, так называемые Ионические острова становились территорией Франции.

Часто, говоря об Ионических островах, историки и читатели даже не смотрят на карту. Однако это стоит сделать. Знаменитый архипелаг из семи островов (Корфу (*Керкира*), Закинф (*Занте*, *Закинтос*), Лефкас, Кефалиния, Итака, Паксос, Китира (*Кифера*)) находится прямо рядом с западным берегом Греции, некоторые из островов — на расстоянии всего лишь нескольких километров от материка.

Зачем главнокомандующему армии, сражавшейся в Италии, потребовались эти далекие от Франции земли?